

ПОЭЗИЯ ПУШКИНА В АВТОМЕТАОПИСАНИЯХ ФЕТА (1850-е гг.)*

ЛЕА ПИЛЬД

С традицией пушкинской поэзии Фет связывал свое творчество уже в 1840-е гг. Второй сборник стихотворений Фета, вышедший в 1850 г., начинался с раздела «Снега». Первое стихотворение раздела, насыщенного пушкинскими и лермонтовскими аллюзиями, открывалось снятой позже по инициативе Тургенева строкой «Я русский, я люблю молчанье дали мразной...» (то есть носило характер декларации, четко вписывающей поэта в традицию русской поэзии) (см. [Лотман 1982: 430]). Современники поэта продолжили размышления о соотношенности его стихов с пушкинскими текстами (см., напр., [Тургенев 1980]). Более многопланово тема «Фет и Пушкин» была поставлена в критических отзывах на сборник стихотворений 1856 г., который редактировал Тургенев [Боткин; Дружинин]. Очевидно, что она живо обсуждалась и в кругу «Современника», куда Фет вошел как полноправный член только в начале 1854 г. Этот год поэт как участник Крымской войны провел на берегу Финского залива в ожидании нападения на русскую армию английской эскадры.

Именно в 1854 г. опубликовано первое из стихотворений Фета о музе — «Не в сумрачный чертог наяды говорливой...», где он размышляет о своем месте в русской поэзии и осуществляет одну из первых декларативных попыток критически оценить мнение друзей-литераторов о соотношенности его поэзии с пушкинской. Показательно, что стихотворение публикуется не в «Современнике», а в конкурирующем с ним издании — «Отечественных записках».

* Статья написана в рамках проекта ЭНФ № 8471 «Формирование русского литературного канона».

В литературе отмечалось, что стихотворение «Не в сумрачной чертог наяды говорливой...» и некрасовское «Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...» (1854) обладают целым рядом сходных признаков [Скатов: 159–161]. Действительно, общими у Фета и Некрасова являются риторика отрицания, характер и настроение музыки («плачущая», «печальная»), ее отдаленность от сфер высокой поэзии. На фоне сходства двух муз можно увидеть и их различие. Фетовская муза, в противоположность некрасовской, лишена воинственности, но не лишена красоты. Однако главные черты музыки Фета проявляются в характере ее песен: «Отрывистая речь была *полна печали*, / И женской прихоти, и серебристых грёз, / *Невысказанных мук и непонятных слёз*» [Фет: 249].

Портрет героини воспроизводит почти с дословной точностью наиболее часто повторявшиеся оценки поэзии Фета в критических рецензиях и эпистолярной его литературных сочувственников. Так, например, А. Григорьев в статье 1853 г. отмечал: «Из *болезненной* поэзии Фет развил собственно одну ее сторону, сторону *неопределенных, недосказанных, смутных* чувств...» [Григорьев: 97]; 5 июня 1853 г. И. С. Тургенев писал С. Т. Аксакову: «Собственные его стихотворения не стоят его первых вещей — его *неопределенный*, но душистый талант немного выдохся» [Тургенев 1987: 237]. Можно предположить, что и в устных обсуждениях стихов Фета приятели-литераторы из «Современника» на похожие эпитеты не скупились. Подобные характеристики сохраняются и в критических отзывах на стихотворения Фета второй половины 1850-х — первой половины 1860-х гг. Критики, принадлежащие к противоположным литературным партиям, вполне солидарны в некоторых оценках лирики Фета: «Это мир *неопределенных* мечтаний и *неясных* ощущений» [Салтыков-Щедрин: 383]; «К сожалению, надо сказать, что вообще, поэтический талант г. Фета более походит на талант импровизатора; как сказала, как вылилась у него пьеса в первую, зародившую ее минуту, — такой и остается она; строгое, художественное чувство формы, не допускающее ни одной *смутной* черты, ни одного неточного слова, ни одного шаткого сравнения, редко посеща-

ет его» [Боткин: 217–218]. Мысль о «прихоти», то есть капризности музыки в стихотворении «Не в сумрачный чертог...» также представляет собой почти цитату.

Аполлон Григорьев подчеркивает, что автор статьи в «Современнике» сравнил стихи Фета с «нежно-эгоистическими» мазурками Шопена (имеется в виду П. Н. Кудрявцев как автор «Русских второстепенных поэтов», который, вопреки утверждению Григорьева, сопоставил не созданные, а будущие фетовские сочинения с «ноктюрнами») ¹. Григорьев подразумевает аналогию между синкопированным (прихотливым, капризным) ритмическим рисунком мазурок Шопена и композиционной фрагментарностью, внезапными сменами метра или темы в фетовских стихотворениях, к которым современники еще не привыкли.

Автометаописательный пласт в стихотворении «Не в сумрачный чертог...» как бы призван подтвердить, что все сказанное критиками действительно характеризует фетовскую музыку, и что сам поэт от характерных черт своей поэзии не отказывается, а наоборот, не стыдится их, считая присущими своему творчеству. «Недосказанность», по Фету, отнюдь не недостаток, а один из основополагающих поэтических принципов. Его музыка сдержанна и целомудренна (стыдлива), ее песни предназначены для посвященных («немногих»). Но это не только индивидуальная особенность стихов Фета, а черта, присущая всей поэзии, искусству и красоте в целом: «О нет, под дымящую *ревнивой* покрывала, мне музыку молодость иную указала...» (ср. в статье Фета 1859 г. «О стихотворениях Ф. Тютчева»: «Искусство *ревниво*: оно в одном и том же произведении не допускает двух равновесных центров» [Фет 1859]). Подразумевается, что не все смысловые пласты в поэзии должны находиться на поверхности текста, глубинный замысел автора может расшифровать только чуткий читатель. Стихотворение «Не в сумрачный чертог...» построено именно так: часть важных для поэта смыслов находится на втором плане, и

¹ Ср.: «Мы обещаем нашей поэзии нечто вроде *ноктюрн* Шопена» [Кудрявцев: 15].

они должны быть поняты, угаданы внимательным читателем. По всей видимости, к этой группе адресатов своих сочинений Фет относил круг «Современника» (прежде всего, Тургенева).

В первой части стихотворения, где говорится о музе, воспевающей героев и их подвиги, автор обращается к Пушкину. Лексическое совпадение в первой строке с пушкинским стихотворением «Рифма» (1830) можно было бы считать и случайным (у Фета: «Не в сумрачный чертог *наяды говорливой...*»; у Пушкина: «Меж *говорливых наяд*, мучась, она родила / Милую дочь» [Пушкин: 243]), если бы не обращение поэта к другому пушкинскому тексту, а именно созданному в эпически-строгой и спокойной тональности стихотворению «Полководец» (1835).

Фетовское «Не в сумрачный чертог...» написано, как и «Полководец», шестистопным ямбом, совпадают и композиционное построение (несколько отрицательных конструкций в начале обоих стихотворений сменяются положительным утверждением, антитезой), и отдельные образы (у Фета: «Не в сумрачный *чертог* наяды говорливой / Пришла она пленять мой слух самолюбивый / Рассказом о щитах, героях и конях, / О шлемах кованых и сломанных мечях» <...> По воле Пиерид с достоинством певца / Я не мечтал стяжать *широкого венца*» [Фет: 248]; у Пушкина: «У русского царя в *чертогах* есть палата: / Она не золотом, не бархатом богата; / Не в ней алмаз *венца* хранится за стеклом; / Но сверху донизу, во всю длину, кругом, / Своею кистию свободной и *широкой* / Ее разрисовал художник быстроокой» <...> «...а всё плащи, да шпаги, / Да лица, полные воинственной отваги» [Пушкин: 355]). Совпадает в общих чертах и движение мысли в двух стихотворениях. Пушкин перечисляет атрибуты великолепия и роскоши в царских интерьерах (Фет — столь же «пышные» атрибуты эпической музы), которые оказываются для обоих поэтов несущественными. Оба стихотворца останавливают свое внимание на описании подлинного искусства (у Пушкина — это строгая, сдержанная в красках и контурах портретная живопись, у Фета — «камерная», интимная поэзия), противостоящего чуждым ему благам (у Пушкина — богатству, у Фета — эпичес-

кой поэзии, воспевающей героев). В центре внимания Пушкина оказывается фигура неочененного при жизни и незаслуженно смещенного с поста полководца — главнокомандующего русской армией в 1812 г. Барклай де Толли.

По-видимому, этот скрытый, находящийся за «ревнивым покрывалом» фетовской музыки второй план стихотворения содержит горькую самоиронию. Тема драматической судьбы полководца в стихотворении Пушкина привлекает Фета по принципу *контраста*: десять лет службы в армии нимало не продвинули его к желаемой цели, он не получил необходимого повышения (ср.: «В июне 1845 г. царь Николай I подписал манифест, по которому потомственное дворянство стал давать только чин майора <...>» [Бухштаб: 27]). С другой же стороны, развиваемый Пушкиным сюжет о смещенном военачальнике нерусского происхождения, несомненно, привлекал Фета определенным *сходством* с событиями собственной биографии (Фет — иностранец, вытесненный из некоторых сфер русской жизни и тщетно пытающийся вернуть себе дворянское звание). Этот пушкинский подтекст в стихотворении «Не в сумрачный чертог...» может быть связан с еще одним горьким размышлением поэта. Пушкин видится автору интересующего нас стихотворения художником, для которого именно искусство становится мерилom истины: той сферой, где разрушается ложная историко-социальная иерархия («я» у Пушкина задумывается об исторической судьбе полководца, глядя на картину Доу в галерее 1812 г.: «Но в сей толпе суровой / Один меня влечет всех больше. С думой новой / Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу / С него моих очей. Чем долее гляжу, / Тем более томим я грустию тяжелой» [Пушкин: 355]).

Известно, что отношения в кругу «Современника», в который (с большой, впрочем, и искренней радостью) только что вошел Фет, были строго иерархичны (и Некрасов, и Боткин, и Дружинин, не говоря уже о Тургеневе, выступали по отношению к «наивному», «ненадломленному» Фету в менторской роли — см. об этом: [Лотман 1977: 28–29]). Критические отзывы на сочинения Фета содержали обязательное сравнение поэзии с Пушкиным как недосыгаемым образцом. Безусловно,

Фету было известно, что сопоставления с Пушкиным (как и выстраивание общей иерархии современных поэтов) присутствовали в разговорах, письменных и печатных высказываниях близких ему литераторов о стихах Баратынского и Тютчева, чьи собрания стихотворений были изданы в том же 1854 г. под редакцией Тургенева (ср., напр.:

Мы сказали сейчас, что г. Тютчев один из самых замечательных русских поэтов; мы скажем более: в наших глазах, как оно ни обидно для самолюбия современников, г. Тютчев, принадлежащий к поколению предыдущему, стоит *решиительно выше всех своих собратьев по Аполлону*. Легко указать на те отдельные качества, которыми превосходят его более даровитые из теперешних наших поэтов: на пленительную, хотя *несколько однообразную, грацию Фета*, на энергическую часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова; но на одном г. Тютчеве лежит печать той *великой эпохи, к которой он принадлежит и которая так ярко и сильно выразилась в Пушкине*... [Тургенев 1980: 524].

Возможно, что отношение Фета к созидаемому современниками литературному пантеону и трактовке стихов Пушкина косвенно отразилось в другом стихотворении (опубликовано впервые в № 1 «Современника за 1854 г.) — «Сосны»: «Средь кленов девственных и плачущих берез / Я видеть не могу надменных этих сосен; / Они смущают рой живых и сладких грез, / И трезвый вид мне их несносен. // В кругу воскреснувших соседей лишь оне / Не знают трепета, не шепчут, не вздыхают / И, неизменные, ликующей весне / Пору зимы напоминают. // Когда уронит лес последний лист сухой / И, смолкнув, станет ждать весны и возрожденья, — / Они останутся *холодною красой* / Пугать иные поколенья» [Фет: 241–242].

Как и в стихотворении «Не в сумрачный чертог...», здесь можно говорить об оппозиции «хрупкость, болезненность» и «выносливость, сила» (хрупкость подвластных смене времен года кленов и берез связывается с истинной жизнью и поэзией, а неизменная величавость сосен, сохраняющих свой бессменный облик, но также принадлежащих брэнному миру, лишена живой красоты). Ближайшими претекстами этого стихотворе-

ния, видимо, являются «Листья» (1830) Тютчева («Пусть сосны и ели / Всю зиму торчат, / В снега и метели / Закутавшись, спят, — / Их тощая зелень, / Как иглы ежа, / Хоть век не желтеет, / Но век не свежа» [Тютчев: 111]) и «Сосна» (1845) Л. Мея (ср.: «Тяжело сосной печальною расти, / Не меняться никогда и не цвести, / Равнодушным быть и к счастью и к беде, / Но судьбою быть прикованным к земле, / Быть бессильным — превратиться в бранный прах / Или вихрем разыграть-ся в небесах» [Мей: 54]).

Но и пушкинский след в этом стихотворении Фета вполне отчетлив. Помимо того, что начало третьей строфы перекликается с зачином стихотворения Пушкина «19 октября 1825», а последняя строка — с началом последней строфы этого же текста (у Пушкина: «Когда роняет лес багряный свой убор...», «Несчастный друг! среди новых поколений...»; у Фета: «Когда уронит лес последний лист сухой...», «Пугать иные поколенья»), образ сосен, по всей видимости, отсылает и к некоторым другим пушкинским контекстам, а именно тем, где он сопряжен с рядом негативных ассоциаций (например, приведем строфу из «Евгения Онегина»: «Она взглянуть назад не смея, / Поспешный ускоряет шаг; / Но от косматого лакея / Не может убежать никак; / Кряхтя, валит медведь несносный; / Пред ними лес; недвижны сосны / В своей *нахмуренной* красе; / Отягчены их ветви все / Клоками снега; сквозь вершины / Осин, берез и лип нагих / Сияет луч светил ночных; / Дороги нет; кусты, стремнины / Метелью все занесены, / Глубоко в снег погружены» (сосны загораживают небо, ср. у Фета в стихотворении 1842 г.: «Сосна так темна, хоть и месяц / Глядит между длинных ветвей» [Фет: 369]). Здесь можно усмотреть и перекличку между пушкинскими словами «нахмуренной красе» и фетовскими «холодную красой», тоже, впрочем, отсылающими к известным к пушкинским строкам из «Евгения Онегина» (ср.: «Гатьяна (русская душою, / Сама не зная почему) / С ее *холодною красою* / Любила русскую зиму...»). «Холодная краса» сосен в стихотворении Фета могла напомнить посвященным читателям (приятелям и друзьям-литераторам автора) об их же собственной мысли: сравнение с пуш-

кинской поэзией выдерживают, прежде всего, те стихи Фета, которые написаны в антологическом жанре (именно они соответствуют критерию совершенства поэтической формы, в отличие от многих других его стихотворений)². Фет же полагает, что истинная поэзия не обязательно должна отличаться строгим совершенством формы, а ценителей исключительно такой поэзии, как и сторонников жесткой литературной иерархии, в рамках которой Пушкину принадлежит место непревзойденного мастера поэтической формы, он и уподобляет, по-видимому, бездушным, безликим и надменным соснам.

После выхода в свет в 1856 г. сборника стихотворений Фета под редакцией Тургенева появляются рецензии Дружинина и Боткина, в которых Фет в очередной раз мог, с одной стороны, прочесть: «Со времени Пушкина и Лермонтова мы не знаем между русскими стихотворцами таланта более поэтического, как талант г. Фета» [Боткин: 212]. С другой же стороны, восторг критиков, как и прежде, умерялся мыслью о Пушкине: «Мировым, европейским, народным поэтом Фет никогда не будет; как двигатель и просветитель он не совершит пути, пройденного великим Пушкиным» [Дружинин: 90].

В 1859 г. в № 2 «Русского слова» Фет публикует статью «О стихотворениях Ф. Тютчева». Исследователи уже отмечали, что статья заслуживает внимания с точки зрения автометаописания: здесь Фет, анализируя стихотворение Тютчева «Как над горячею золой...», как бы предсказывает черты своей поздней поэтики (движение от Гейне к Тютчеву, от «субъективности» к «объективности» [Кленин: 50]). Однако не обращалось внимание на другое. Фет, вместе с тем, вписывает здесь свои произведения в поэтическую традицию, не только в русскую, но и в мировую. Он приводит примеры из произведений Горация, Пушкина и Тютчева, но все эти примеры схо-

² Ср.: «Перед лицом *вечно спокойной антологической древности* <...> г. Фет — поэт самого высшего разбора <...> мастерской, неслыханно прелестный антологический очерк “Диана” сделал бы честь перу самого Гете в блистательнейший период для самого олимпийца» [Дружинин: 91].

жи, однотипны (призваны иллюстрировать одну и ту же мысль: стихи автора статьи по своей глубинной структуре ничем не отличаются от творений других истинных поэтов, в первую очередь, Пушкина и Тютчева).

Сочинение Фета насквозь полемично, он спорит здесь с Тургеневым — автором статьи «Несколько слов о стихотворениях Тютчева», акцентирующим интеллектуализм его поэзии (у Тургенева: «...мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда *сливается* с образом, взятым из мира души или природы, проникается им, и сама его проникает нераздельно и неразрывно» [Тургенев: 526–527]; у Фета: «Хотя *мысль и чувство* постоянно *сливаются* в художественном произведении, но *властвовать раздельно и одновременно* всей пьесой они не могут» [Фет 1859]).

Как мы помним, все критики, независимо от конкретной литературной партии, к которой они принадлежали, видели в поэзии Фета отсутствие мысли и отражение «полудетского мирозерцания». Говоря в статье о поэзии Пушкина, Фет убеждает читателя, что мысль подлинного поэта зачастую трудно сразу уловить, понять, поскольку она находится на заднем плане, уступая место изображению предметного или природного мира: «В иных художественных произведениях мысль так тонка и до того сливается с чувством, что даже написавши много, трудно высказать ее ясно, что, однако, нисколько не вредит богатству содержания и достоинству целого. Вспомните «Тучу» (Пушкина) <...> «Кто не видит чудной замкнутости этого образа, не чувствует *свежести*, которую он веет, и не подозревает мысли о *просветлении* <курсив А. А. Фета. — Л. П.>, тому я ничего не могу сказать» [Там же]. Охарактеризовав смысловую структуру другого стихотворения Пушкина — «Сожженное письмо» (немаловажно, что Фет выбирает для примеров тексты Пушкина, принадлежащие к разным периодам его творческой эволюции; по-видимому, он подразумевает и книгу Анненкова о Пушкине, в которой тот наиболее высоко оценивает последний период творчества своего героя, подчеркивая зрелость Пушкина-художника в 1830-е гг. — см.: [Анненков: 318]) Фет заключает:

...живая мысль стихотворения улетела в беспредельную глубину перспективы и веет там — общая, неуловимая, светло-примирительная. Она до того тонка и отдаленна, что о ней можно спорить, как о форме легкого, вечернего облака. Но такова она и должна быть по всему строю стихотворения; обозначенная ясней, она бы закричала и разрушила гармонию целого [Фет 1859].

Таким образом, статья «О стихотворениях Ф. Тютчева» продолжает мысль Фета о «недосказанности» как одной из основных черт поэзии и не-иерархичности подлинного искусства, заданную в стихотворениях «Не в сумрачный чертог...» и «Сосны». Она полемически ориентирована не только в адрес некрасовского лагеря, но направлена и против ближайших литературных соратников Фета (Тургенева, А. Григорьева, Боткина и Дружинина), хотя и объявивших его продолжателем традиции Пушкина, но отказавших поэту в способности ясно выражения поэтической мысли. Фет разбирает в статье такие стихотворения Пушкина, которые стилистически близки импрессионистическим стихам самого Фета: в «Туче» и особенно в «Сожженном письме» доминирует изображение «вещного» (природного) мира (визуальных и акустических импрессий), на первом плане здесь, действительно, находятся не «мысль» или «эмоция», а ощущение и впечатление. Концептуальный замысел этой статьи основан на довольно понятной идее Фета: он предлагает отойти от внеэстетической реальности, от построения литературной иерархии и обратить внимание на строй самого поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков: *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984.
- Боткин: *Боткин В.* Стихотворения А. А. Фета // Боткин В. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984.
- Бухштаб: *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1990.
- Дружинин: *Дружинин А. В.* Стихотворения А. А. Фета // Дружинин А. В. Литературная критика. М., 1983.
- Григорьев: *Григорьев А.* Русская изящная литература в 1852 г. // Григорьев А. Сочинения: В 2 т. СПб., 1876. Т. I.
- Кленин: *Кленин Э.* Композиция стихотворений Фета: мир внешний и внутренний // Известия Российской академии наук. Сер. лит. и языка. 1997. Т. 56. № 4.
- <Кудрявцев>: Б. п. [Кудрявцев П. Н.] Русские второстепенные поэты. А. Фет // Современник. 1850. № 3.
- Лотман 1977: *Лотман Л. М.* Тургенев и Фет // Тургенев и его современники. Л., 1977.
- Лотман 1982: *Лотман Л. М.* А. А. Фет // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. III.
- Мей: *Мей Л.* Стихотворения. Л., 1951.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. II.
- Салтыков-Щедрин: *Салтыков-Щедрин М. Е.* <Стихотворения А. А. Фета. Изд. К. Солдатенкова, 2 части. Москва, 1863> // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1966. Т. V.
- Скатов: *Скатов Н. Н.* Некрасов и Фет // Скатов Н. Н. Некрасов. Современники и продолжатели. М., 1986.
- Тургенев 1980: *Тургенев И. С.* Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Л., 1980. Т. IV.
- Тургенев 1987: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. II.
- Тютчев: *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1987.
- Фет: *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1986.
- Фет 1859: *Фет А. А.* О стихотворениях Ф. Тютчева // Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова. М., 1989. Цит. по: http://az.lib.ru/f/fet_a_a/text_0270.shtml (27 дек. 2010).

